

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

На правах рукописи

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ УТВЕРЖДЕНИЯ/ОТРИЦАНИЯ В ПАРЕМИО- ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Специальность: 5707.01 – Славянские языки

Отрасль науки: Филология

Соискатель: **Гашими Афет Тофиг гызы**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора философии

Баку – 2024

Диссертационная работа выполнена на кафедре современного русского языка Бакинского славянского университета.

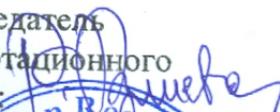
Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
Гамидов Ильяс Гамидулла оглу

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Удалых Галина Дмитриевна

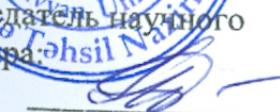
доктор филологических наук,
профессор
Джафаров Микаил Магамед оглу

доктор философии по филологии,
доцент
Асадов Захир Вахид оглу

Диссертационный совет ED 2.13 Высшей Аттестационной Комиссии при Президенте Азербайджанской Республики, действующий на базе Бакинского славянского университета

Председатель
диссертационного
совета:
Кулиева Рагиля Гусейн гызы

Ученый секретарь
диссертационного
совета:
Эфендиева Суад Ариф гызы

Председатель научного
семинара:
Шюкюрбейли Тевеккюл Гади оглу

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы и степень изученности. Вопросы онтологии отрицания (негации) и особенно логико-грамматической категории утверждения/отрицания (КУО) привлекали внимание исследователей с древнейших времен. Эти вопросы не потеряли своей актуальности и в наши дни, когда выявляются все новые и новые аспекты осмысления данной категории, обусловленные развитием различных семантико-семиотических, формально-грамматических, логико-философских, лингвокогнитивных и других теоретических школ и научных парадигм.

Многослойность концептуального понятия отрицания и его сугубо лингвистического коррелята – категории утверждения/отрицания доказывать нет особой необходимости: достаточно обозреть имеющуюся в этой области научную литературу, которая свидетельствует о том, сколько сделано учеными в этой области и какие вопросы все еще требуют своего теоретически более системного осмысления.

Несмотря на интенсивные разработки вопросов, связанных с концептуальным пространством негации в языке и функционированием языковой категории утверждения/отрицания, все ещё остается не до конца разработанным целый ряд проблемных положений, не получивших своего общепринятого решения:

а) некоторые терминологические обозначения не отличаются научной стабильностью, допуская объективное разночтение и разноликое толкование, что создает условия для смешения аспектов трактовки негации вообще (как гносеологического понятия) и как логико – грамматической категории в частности;

б) не до конца определен семантико-грамматический вес отрицания в языковых единицах разных уровней в слове – лексеме, словосочетании предложениях различного ранга (простом, сложном). Вопрос о логико-грамматической природе негации (негативного смысла) в номинативных единицах

(словах, словосочетаниях, фразеологических единицах номинативного строения) и предикативных конструкциях (включая и фразеологизмы предикативного строения) - один из неразработанных вопросов, требующих своего системного и непротиворечивого освещения;

в) не совсем четко обозначены границы моно- и полинегативности – признака основной единицы языка, которым квалифицируется тот или иной язык вообще, хотя отмеченный признак является не только показателем принципов грамматической структуризации предложенческих единиц, но и (на что вовсе не обращают внимание исследователи) их лингвокогнитивных возможностей в смысле представления национально – культурологической семантики;

г) много неясностей в решении вопроса о так называемом имплицитном /эмплицитном отрицании, а также в решении вопроса об усиленном и многократном отрицаниях;

д) в синтаксической теории стало, к сожалению, некоторым правилом соотносить так называемую категорию согласия/несогласия (её якобы категориального значения) с КУО при том, что авторы, предпринимающие такие попытки чуть не единогласны в тождестве этих, на наш взгляд, не соотносительных на системном уровне категорий. Согласие/несогласие – факт речевой деятельности, речевого акта, и он не обладает обязательными, устойчивыми системными признаками категориального языкового явления;

е) не оптимально выглядит также факт произвольного приравнения понятия негации с КУО: последняя противопоставлена семантическому полю негации прежде всего тем, что она является семантико-конструирующим фактором в пространстве предикативных единиц, а негация как отрицательный семантический признак свойственна всему корпусу номинативных единиц – лексем, словоформ, словосочетаний; слово, какой бы значимой единицей оно ни было, не может представлять гносеологическую дихотомию «правда/ложь», которая проявляется, «языковляется» только на уровне пропозиционного (предикативного) содержания: так

называемая «ассертивная морфема да/нет» (Х.Вайнрих) может функционировать лишь в предикативных единицах;

ж) по тем или иным причинам до сих пор нет единого решения проблемы степени взаимоопределения негации в отрицательных предложениях и элементов актуального членения предложения;

з) и, наконец, достаточно остро стоит вопрос о семантико-грамматическом характере функционирования КУО в структуре единиц, составляющих фонд устойчивых предикативных конструкций-паремио-фразеологических единиц: квалификация КУО, ее конструктивных возможностей адекватными как в пределах свободных синтаксических структур, так и в сфере паремиологических единиц, на наш взгляд, была бы не совсем корректна.

Степень актуальности нашего исследования определяется, таким образом, вышеотмеченными положениями и фактами. Паремио-фразеологические единицы не раз становились объектом лингвистических исследований. Они и сегодня привлекают исследовательский интерес в различных – сугубо лингвистическом, когнитивном, логико-психологическом и т.п. – аспектах. Вместе с тем, до сих пор нет специального монографического исследования отмеченных конструкций в срезе функционирования в их семантико-синтаксической структуре той или иной базисной грамматической категории, в числе которых особое место занимает КУО.

Объект и предмет исследования – закономерности семантико-структурной организации (структуриации) паремиологических и фразеологических единиц русского языка в пространстве категории утверждения/отрицания, а также вопросы системной соотношенности функционирования отмеченной категории во фразеологически устойчивых и синтаксически свободных конструкциях языка в целом; корпус фразеологически устойчивых номинативных и предикативных единиц русского языка, построенных по модели отрицательных предложений и система средств и способов организации отрицательных (негативных) смыслов в этих конструкциях.

Цель и задачи исследования заключается в определении специфики функционирования КУО в паремии фразеологических единицах русского языка, установление типизированных способов и лексико-грамматических средств реализации негации в названных структурах, выявление логико – грамматических оснований формирования той или иной разновидности отрицания в изучаемых единицах. Задачи исследования следующие:

- определение системы средств, участвующих (скрытного) в формировании эксплицитного (явного) и имплицитного отрицания характерного для паремии фразеологических единиц и противопоставляющих эти конструкции синтаксически свободным структурам;

- установление принципиальных границ монологии и полинегации при возможности/невозможности разновидностей последней.

- выявление комплекса конструктивных элементов, поддерживающих устойчивую воспроизводимость анализируемых единиц;

- аргументировать функциональными параметрами предикативную (в противовес модальной) природу отрицания;

- обнаружить структурообразующие функции негации и ее роль в формировании нетипичных моделей простых предложений в составе сложных конструкций.

Методы исследования. В работе применяется метод наблюдения и комплексно-многостороннего анализа гомогенного языкового материала с привлечением некоторых положений системного анализа (родо-видовые противопоставления, выявление синтагматико-парадигматических форм, компоненты противопоставления односоставных и двусоставных глагольных и именных конструкций и т.п.)

На защиту выносятся следующие положения:

- Категориальная сущность обычных предложений (синтаксически свободных) и паремииологических конструкций не во всем покрывают друг друга, поэтому предложенческие

категории (в том числе КУО) должен изучаться дифференцированно: поведение и характер этих категорий на уровне свободного предложения, фразеологической предикативной структуры (ФЕПС) и паремиологических конструкций достаточно сильно разнятся.

- КУО – категория предикативного порядка, она обусловлена общим грамматическим значением (предикативностью) предложения: только отрицание перед сказуемым делает предложения отрицательным по смыслу. Все иные проявления отрицания связаны с модальной стороной предложения.

- Все формы частного, двойного и других форм отрицания связаны с модальной характеристикой предложения и потому являются типизированными способами выражения актуального членения личного предложения.

- Обе стороны КУО совпадают на фоне ассерции, но и разнятся на фоне презумпции: ни утверждение, ни отрицание не являются абсолютно самостоятельными и самодостаточными смысловыми структурами: утверждение всегда опирается на имплицитный отрицательный фон (теневую семантику) и, наоборот, отрицание всегда имеет положительный фон; поэтому семантическая структура предложения должна определяться с учетом этой диалектики единства двух сторон единого ассертивного явления.

- В паремиологических единицах представлены лишь единицы (модели) конструктивного синтаксиса, т.е. те, которые имеют собственную структурную схему.

- Некоторые союзы обнаруживают способность специфического воздействия на структуризацию как простого, так и сложного предложения; так, например, союз *ни* в простом предложении выполняет три функции (отрицания, усиления этого отрицания и замещения позиции ассертивного сказуемого (обычно-«нет»), а в сложном предложении, помимо этих функций, еще и функцию предписания конфигурационных требований к структуре части, в которую он входит как часть двойного союза «ни..., ни».

Научная новизна исследования заключается в том, что:

а) в ней впервые ставится вопрос о функционировании конкретной универсально – языковой категории в парамиофразеологических единицах; б) ставится и в пределах возможностей, которые создаются самим материалом, аргументируется логико-грамматическая природа отрицания в рамках обобщенно-грамматического значения предложения-предикативности; в) впервые в синтаксической теории выявляются предикативные конструкции, не реализующие модели двойного отрицания (отрицания отрицания) и некоторых несистемных форм отрицания вообще.

Теоретическая и практическая значимость исследования связана прежде всего с выяснением комплекса спорных вопросов синтаксиса сквозь призму парамиофразеологических единиц отрицательной структуры. Выдвигается и поддерживается предикативная природа КУО, ее парадигматико-синтагматические возможности не только на уровне словосочетательных (номинативных), но и предикативных фразеологических единиц, не только на уровне простых парамиологических структур, но и их сложных конструкций. Особенно это выявляется на материале конструкций, не имеющих противочлена по линии КУО и тех словосочетательных единиц, не употребляющихся в своих исходных морфологических формах; связана в первую очередь с возможностью его применения в качестве специальных курсов по синтаксису парамиологических единиц и фразеологических номинативных сочетаний; ФЕ в этом плане нуждается в некоторых лексикографических коррекциях, поскольку, как мы отмечаем в работе, ряд ФЕ представляются в словарях в искусственно «натянутых» формах, которые для ФЕ вообще не характерно, а также немало случаев в лексикографической практике, когда ФЕ дается как вокабула в утвердительной форме, которая не релевантна для данной ФЕ, а иллюстративный материал включает лишь отрицательные формы; материал нашего исследования может быть использован

в работе по составлению фразеологического, а также паремиологического минимумов (справочников).

Апробация и применение. Диссертационная работа прошла обсуждение на кафедре современного русского языка БСУ, основные положения диссертации были представлены на международной конференции, а также в материалах научных статей; опубликованных за рубежом и в нашей Республике.

Название организация, в которой выполнена диссертационная работа. Диссертационная работа выполнена на кафедре современного русского языка Бакинского славянского университета.

Структура и объем диссертации в знаках, с указанием объема каждого структурного подразделения в отдельности. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы. Введение – 7 страниц, 10475 знаков, I глава – 33 страницы, 56164 знаков, II глава – 41 страница, 65607 знаков, III глава – 39 страниц, 61744 знаков, заключение – 6 страниц, 9935 знаков. Общий объем диссертации – 142 страницы, 203925 знаков.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «**Введении**» представлены положения, связанные с обоснованием степени актуальности избранной темы, с определением объекта, предмета исследования, его целей и задач, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, а также положения, которые выносятся на защиту.

В первой главе диссертации «**Краткая история изучения основных аспектов КУО в науке**» рассматриваются вопросы исторического становления различных теорий квалификации гносеологической сути КУО. Последняя стала предметом внимания с древнейших времен. Свою научную трактовку она получила со времени, когда логико-грамматическая природа предложения стала характеризоваться с опорой на обязательную

структурированность этой языковой единицы «сочетание слов), и ее функциональную сопряженность с единицей мышления («...выражающее одну законченную мысль»). Суть этой «законченной мысли» определялась в рамках того, что означает и обозначает предложение относительно внеязыковой действительности – факты ли, состояния ли, признаки и свойства ли, и т.п. И еще тогда сложилось мнение, что весь вышеотмеченный ряд считать фактами – реальными или нереальными. Признание подобной дихотомии (корреляции) реальности/нереальности фактов, естественно, подводило к признанию особых форм их языкового оформления – утвердительными или отрицательными предложениями.

Однако если бы утвердительные предложения были обозначениями лишь существования того или иного факта, а отрицательные, соответственно, их несуществования (нереальности), то, думается, особых проблем бы в плане осмысления референтной соотнесенности предложения-высказывания не возникало: одни предложения считались бы языковым выражением бытия чего-то (утвердительные, а другие – его небытия).

Но КУО отличается, как мы предполагаем, особой многоаспектностью, что обусловило появление целого ряда исторических теоретических школ – сугубо лингвистических, логико-философских и прочих научных направлений, в которых на первый план выдвигалась гносеологическая природа отрицания, о чем свидетельствует сложившиеся в науке терминологическое обозначение *«категория негации» при отсутствии коррелятивного «категория утверждения».*

История становления различных научных школ и направлений в пространстве КУО и особенно «категории негации» достаточно хорошо освещена в работах В.Н.Бондаренко¹. Автор рассматривает логические основы концепций: а) отрицания в понимании специалистов по формальной логике, признающих теорию «особой

¹ Бондаренко, В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В.Н.Бондаренко. – Москва: Наука, – 1983. – 210 с.

отрицательной реальности», которая подвергалась трансформациям в трудах западноевропейских ученых (А.Мейнонга, Э.Гуссерля, Б.Расселя и др.), б) «концепцию реальности, отличной от данной» (или концепцию «отрицания как знания об ином бытии»: *«Иное само по себе не существует, а существует по отношению к другому иному»²*); в) особое место в отмеченной работе занимает рассмотрение концепции отрицания в понимании Аристотеля, считающего, что *объективное небытие имеет столько же значений, сколько значений имеет само бытие³*. На этом основании Аристотель признает первичными как утвердительные, так и отрицательные суждения; г) иную концепцию отрицания выдвигали представители логико-психологического направления формальной логики (Х.Зигварт, В.Вундт и др.), отрицание, считают названные ученые, бытует только в абстрактных мыслительных системах и используется, как правило, в плане маркировки неверности (ложности) предыдущего утвердительного тезиса-суждения в целом: Иначе говоря, отрицание является вторичным – реакцией на предотвращение психологического заблуждения.

И вообще даже беглый взгляд на историю становления концепций отрицания убеждает в том, что исторически отрицание (и вообще КУО) трактовалось в рамках логического суждения: предложение приравнивалось по всем параметрам логического суждения.

Неплодотворность отмеченных трактовок впоследствии была четко обозначена в работах русских ученых М.И.Каринского, Н.О.Лосского, П.С.Попова и др., которым в определенной степени удалось перевести принципы трактовки негации и КУО в целом на лингвистическую платформу.

По мнению М.И.Каринского любое предложение следует считать семантически бипарным (двучленным), поскольку оно

² Бондаренко, В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В.Н.Бондаренко. – Москва: Наука, – 1983. – с. 10.

³ Бондаренко, В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В.Н.Бондаренко. – Москва: Наука, – 1983. – с. 15.

«состоит из константной идеи существования (наличия, бытия), с одной стороны, «переменной величины того, что утверждается как существующее, – с другой»⁴. По логике вещей «константная идея существования» обязательно предполагает и идею отсутствия. Таким образом, вопрос об онтологической природе отрицания М.И.Каринским рассматривается в неразрывной связи с утверждением, что заложило определенные основания для трактовки данной языковой категории в пределах диалектики единства обеих сторон единой языковой категории – КУО.

В нашей работе анализируются мнения по поводу формально-грамматической природы КУО, высказанные Ф.И.Буслаевым, И.И.Давыдовым, Г.Паулем, А.А.Шахматовым, А.А. Потебней и другими видными лингвистами.

Ознакомление с историей разработки концепций КУО приводит к заключению о том, что чисто лингвистическая концепция осмысления КУО, как правило, включает логический компонент структуры данной категории, КУО – логико-грамматическая категория: на уровне пропозиционной семантики (глубинного смысла) данная категория не может быть лишена логической семантики. С этой точки зрения обозначение *«отрицание как логико-грамматическая категория»* должно быть скорректировано на *«КУО как логико-грамматическая категория»*.

Изучение отрицания как логико-грамматической категории мы наблюдаем даже в некоторых современных исследованиях. Так, например, Е.В.Падучева в книге «Русское отрицательное предложение» (2013) делает ставку именно на отрицательную форму предложения и предлагает оригинальную семантическую структуру отрицания с обязательной опорой на имплицитный смысл предложения – презумпцию:

Ребенок еще не спит \approx Ребенок не спит (ассерция) \approx Ребенок должен был уже спать (презумпция).

⁴ Каринский, М.И. Разногласия в школе нового Эмперизма / М.И.Каринский. – Москва, – 1914. – с. 65.

Ребенок еще не спит ≈ ребенок спит (ассерция) ≈ ребенок не должен спать (презумпция)⁵.

Само по себе такое трихотомическое описание, как нам представляется, не является демонстрацией структуризации лишь отрицания, оно базируется на ассоциативном потенциале собеседников относительно неразрывной связи утверждения и отрицания.

Более того такая модель структуризации отрицания (отрицательного) смысла не оправдывает себя на уровне рассмотрения идиоматизированных предикативных конструкций.

Поэтому в нашей работе отдаем некоторое предпочтение той концепции отрицания, которая представлена в «Русской грамматике»⁶.

Авторы этого капитального труда исходят из: 1. Неразрывного единства сторон единой категории утверждения/отрицания; 2. Принципиальности предикативной квалификации КУО; 3. Необходимости классифицировать отрицательные предложения, исходя из единого критерия обязательности/факультативности отрицания; 4. Правомерности деления предложений на общеотрицательные и частноотрицательные.

Учитывая отмеченное разноликое толкование природы КУО, мы в конце главы представляем наши следующие исходные теоретические принципы для дальнейшего анализа и квалификации материала:

1. Основная масса спорных положений, на наш взгляд, обусловлен откровенно недифференцированным отношением (как логиков, так и лингвистов) к конкретному языковому материалу: при квалификации логико-грамматической сути КУО не принимается во внимание объективный фактор неидентичности, референтной соотнесенности и семантических структур обычных, синтагматико-парадигматически свободных

⁵ Падучева, Е.В. Русское отрицательное предложение // – Москва: Языки славянской культуры, – 2013. – с. 241.

⁶ Шведова, Н.Ю. Русская грамматика / Н.Ю.Шведова. – Москва: Наука, т. II. – 1980. – с. 402-421.

предикативных единиц с предикативными структурами паремии-фразеологического фонда. По мнению И.Г.Гамидова, исследовавшего КУО в *афористических конструкциях аксиоматического характера*⁷, языковая сущность КУО в предикативных единицах: а) На суд потомства явка не обязательна (афоризм); б) А люди так и не замечали маралов (Ч.Айтматов; обычное, свободное предложение); в) Под лежащий камень и вода не течет (пословица); г) Там еще конь не валялся (фразеологизм) не может быть квалифицирована фронтально, без учета специфики этих конструкций в плане степеней семантической абстракции, семантической генерализованности.

2. Следующий важный момент, связанный с разноликим толкованием характера и механизма КУО, – это вопрос о ее предикативной или сугубо модальной принадлежности. Мы в дальнейшем придерживаемся, вслед за авторами «Русской грамматики», мнения о предикативной категориальной сути КУО. Основанием для нас при этом являются факторы: а) абсолютная вербоцентричность русского предложения; б) обязательное участие «морфемы да/нет» в структуре предложения; в) бесспорность того факта, что только в сочетании со сказуемым русское предложение становится отрицательным (так называемым «общеотрицательным»), частное отрицание «не колеблет общего утвердительного смысла высказывания (А.М.Пешковский).

3. Мы в данном случае исходим из того, что если признаем языковую категорию в пределах обязательного единства сторон-противочленов, формирующих единую категорию, то терминологическое обозначение «категория отрицания» должно быть признано не совсем корректным: не логично возведение в ранг особой грамматической категории одной из коррелятивных членов единой категории – лишь отрицания, тогда как ни в одной из существующих источников не встречается соотносительное обозначение «категория утверждения».

⁷ Гамидов, И.Г. Философия грамматики паремии фразеологических единиц / И.Г.Гамидов. – Баку: Мутарджим, – 2017. – с. 91-116.

Придание приоритета отрицанию выглядит, как если бы мы признавали форму несовершенного вида глагола особой категории, а формы совершенного вида в рамках единой категории вида глагола таковой не считали.

Некоторые исследователи применение обозначения «категория отрицания» оправдывают тем, что отрицание имеет целый комплекс средств и способов языкового выражения, а утверждение (позитивное значение) этими средствами выражения не сопровождается.

Однако мы признаем другую логику: если отрицательные высказывания материально маркированы и это маркированность служит доказательством их языковой реальности, то в качестве средств маркированности в утвердительных предложениях выступает факт отсутствия этих средств, т.е. фактором выражения утвердительности выступает явление, которое сформулировано Н.А.Паниной как «наличие отсутствия»⁸, отсутствия, которое в этих позициях обязательно.

Учитывая вышесказанное и некоторые другие сопутствующие факторы, мы решили в следующих главах диссертационной работы рассмотреть КУО в фразеологических единицах и паремиологических единицах отдельно.

*Основные положения и материалы первой главы изложены в нижеследующих публикациях автора.*⁹

Вторая глава работы «**Конструктивно-семантические функции КУО в фразеологических единицах**» посвящена анализу функциональной жизни отмеченной категории в

⁸ Панина, Н.А. Имплицитность языкового выражения и её типы // Значение и смысл речевых образований. – Калинин: КГУ, – 1979. – с. 48-49.

⁹ Гашими, А.Т. Источники теоретических разногласий относительно категории утверждения-отрицания и некоторые принципы их преодоления // – Gəncə: Gəncə Dövlət Universiteti, Elmi xəbərlər. Fundamental, humanitar və təbiət elmləri seriyası, – 2020. №1, – s. 283-289.; Категория утверждения/отрицания в лингвистических учениях // – Bakı: Bakı Dövlət Universiteti, Dil və ədəbiyyat, – 2020. №1(113), – s. 146-151.; Трактовка категории утверждения (отрицания) в лингвистических учениях // Doktorantların və gənc tədqiqatçıların XXIII Respublika elmi konfransın materialları, – Bakı: – 03-04 dekabr, – 2019, – s. 182-184.

пространстве фразеологических конструкций. Отдельные параграфы посвящены негации: а) в именных фразеологизмах (не ахти какой; не велика важность; не больше, не меньше; черту не брат; без сучка и задоринки; не без греха, ничего подобного и т.п.); б) глагольных фразеологизмах (время не терпит; не плясать под дудку; не брать в толк; рылом не вышел; не вставлять палки в колеса; не брать в голову; не верить своим глазам; откуда ни возьмись; света не взвидеть и т.п.); в) фразеологизмах предикативного строения (ФЕПС) (башка не варит; конь еще не валялся; кот заплакал; краше в гроб кладут; губа не дура; игра не стоит свеч; овчинка выделки не стоит и т.п.).

Специфика негации в именных фразеологизмах заключается в том, что а) участие негативного «нет» в них исключено: слово «нет» как безлично-предикативное слово переводит любое сочетание на уровень предикативной, предложенческой единицы; б) в именных ФЕ не формируется так называемое двойное отрицание, которое тем самым доказывает свой предикатно-сказуемый статус; зато усиленное (кумулятивное) отрицание для этих структур вполне релевантно (не б, не м, не в сторону; ничего подобного и т.п.); в) функции вышеотмеченных средств выражения негации различны. Так, например, слово «без» выступает, как правило, в роли создания негативно-обстоятельственного смысла фразеологизма (без зазрения совести = не стыдясь никого и ничего), а приставка «без...» закреплена за оксиологией субъективной оценки-отсутствие чего-либо: безталанная головушка, бездонная бочка и пр.

Отрицательная частица «ни» (ни..., ни...), в фразеологических единицах выполняет не две функции, как принято считать, а три объективно представленные функции – отрицания, усиления этого отрицания и, как мы полагаем, функцию нейтрализации сказуемого-предиката в семантическом поле ассерции; в силу этой последней функции эти предикаты-сказуемые обычно элиминируются (выпадают): не было ни

слуху, ни духу=нет ни слуху, ни духу= ни слуху, ни духу (ср. ни богу свечка, ни черту кочерга, ни к селу, ни к городу и т.п.).

В заключении данного параграфа подчеркивается необходимость более основательного изучения природы отрицания в именных ФЕ, поскольку среди последних четко выделяются две группы конструкций:

1. Именные отрицательные ФЕ, допускающие утвердительные корреляты (не без греха-без греха-безгрешный; черту не брат-черту брат; не в своей тарелке-в своей тарелке и т.п.).

2. Именные отрицательные ФЕ, не имеющие утвердительных коррелятов (не в коня корм; ни беса лысого; ни гласа, ни воздыхания и т.п.).

Что касается отрицания (и вообще КУО) в глагольных фразеологизмах, то последние проявляют несколько иной характер. Если бы именных ФЕ КУО задействовано в пределах ноль-парадигмы и носит сугубо модальный характер (кроме конструкций с «ни..., ни...»), то в глагольных фразеологизмах носит явный отпечаток предикативности. Это особенно заметно в ФЕ с личной формой глагола: ...пляшет под чужую дудку – не пляши под чужую дудку (при наличии исходной, инфинитивной формы как в негативе («не плясать под чужую дудку» и «плясать под чужую дудку»). Эта группа выделяется потенциальной парадигматической системой. Однако есть и другая группа ФЕ – не допускающие коррелятивную позитивную форму: «рылом не вышел» – «рылом вышел» (?). Здесь, видимо, срабатывает механизм высокой степени фразеологизации и окаменения данного сочетания именно в форме личного глагола (инфинитивная форма «рылом не выйти» не реально). Подобные ФЕ есть и в утвердительной форме, которые не коррелирует с негативной формой: «... был да сплыл», «весь вышел» и т.п. и не имеют в парадигме исходной, инфинитивной формы (быть да всплыть; весь выйти (?)).

Следует отметить еще одну особенность глагольных ФЕ: даже при наличии широкого парадигматического ряда (не вставлять палки в колеса-вставлять...; не вставляй ...; не

следует вставлять... и т.д.) не входят в оппозитивную систему общего/частного отрицания функционируя лишь на базе общего отрицания. Для этих конструкций нерелевантно также кратное (двойное) отрицание. При контекстуальном расширении глагольного фразеологизма возможны случаи усиления отрицания, но элемент усиливающей отрицание в этих конструкциях представляет факультатив, не входящий в структуру ФЕ, т.е. не являющийся элементом структуры ФЕ: Дай бог только, чтобы князь Кутузов ... взял действительную власть и не позволил бы *никому* вставлять себе палки в колеса (Л.Толстой. «Война и Мир». т. I, гл. 14).

Потенциальное вхождение/невхождение глагольных ФЕ в коррелятивный ряд утверждения/отрицания, как мы полагаем, зависит от степени фразеологизированности всей конструкции и от степени при этом ослабления предикатной семантики глагольного слова. Иначе говоря, если глагольное слово сохраняет свое категориальное значение, свою доминантную роль в структуре ФЕ, то последняя имеет как утвердительную, так и отрицательную формы (*вертеться перед глазами/не вертеться перед глазами*); если же глагольное слово выступает с ослабленным категориальным значением, то ФЕ с этим глаголом не входит в коррелятивный ряд и не имеет исходной инфинитивной формы: вертится на языке – вертеться на языке (?) – не вертится на языке (?); не взвидеть света – взвидеть свет (?); не вертится на кончике языка (?) и т.п.

В группе фразеологических конструкций предложенческой структуры (ФЕПС) выявляются некоторые закономерности либо общие с номинативными ФЕ, либо специфические.

Наши наблюдения позволяют считать, что закономерности функционирования КУО в ФЕПС следует искать не в соотношении действия отмеченной категории с типом предложения, которым выражено ФЕПС. Эту связь следует искать в системе семантических параметров, на основе признака эквивалентности ФЕПС той или иной языковой единицы: а) ФЕПС, эквивалентные слову (краше в гроб кладут = исхудающий, бледный); б) ФЕПС, эквивалентные

словосочетанию (кот заплакал = очень мало, ничтожно мало; куры не клюют очень много); в) ФЕПС, эквивалентные предложению (конь еще не валялся – никакая работа (ничего) еще не сделано).

Подобная методика стратегификации позволяет достаточно объективно характеризовать и аргументировать вхождение/невхождение того или иного экземпляра ФЕПС в корреляцию утверждения/отрицания (куда глаза глядят \neq куда глаза не глядят (?)) или Куда Макар телят не гонял \neq Куда Макар телят гонял (?); Игра не стоит свеч = Игра стоит свеч и т.д.); включения/невключения в систему общего/частного отрицания (они общеприцательные, за редкими исключениями), а также участие в системе кратного, двойного отрицания, которое здесь исключено.

Сказанное получает свое материальное подтверждение тем, что а) многие ФЕПС являются редуцированными формами частями сложных синтаксических конструкций, частями, которые носят функциональную «обязанность» выражения фразеологического смысла всей сложной конструкции: Губа не дура (Губа не дура, язык не лопатка: знают, где горько, а где сладко; Денег куры не клюют (Денег куры не клюют и собаки не едят; Не поминай лихом (...а добром – как хочешь и др.); б) в сфере ФЕПС представлены практически все модели односоставных и двусоставных русских предложений, что свидетельствует о возможностях ФЕПС участвовать в системных отношениях с КУО: ФЕПС отрицательной структуры «дублируют» основные виды отрицания – общие и частные, хотя функционирование последнего в ФЕПС обусловлена свойством распространенности модели: изба не бранью рубится, душа не на месте, не с той ноги встал, не к ночи будь помянута и т.п. (Эти образцы составляют мизерную группу в сфере ФЕПС).

Следовательно, частное отрицание в этих конструкциях маркируют, что эти ФЕ еще поддерживают некоторые живые связи со свободными предложескими конструкциями,

указывает на системные отношения частного и общего отрицания в типологии русского предложения.

Особое место нами в работе отведено рассмотрению КУО в модельных типах ФЕПС: определенно-личных, обобщенно-личных, неопределенно-личных и безличных.

Таким образом, отрицание в глагольных ФЕ играет особую роль: оно выступает концентратом (совмещением) в этих единицах значения негации и скрытой предикативности. Глагольные ФЕ еще раз демонстрируют предикативную заряженность не только предикатного слова «нет», но и его полуфункциональных субститутов – частица «не» и, особенно, «ни..., ни...».

Основные положения и материалы второй главы изложены в нижеследующих публикациях автора.¹⁰

В третьей главе **«Роль КУО и средств отрицания в паремиологических единицах»** работы рассматривается функционирование КУО в паремиологических единицах. В первом параграфе речь ведется об основных аспектах лингвистического изучения пословиц и поговорок, об основательных трудах известных паремиологов, таких, как Г.Л.Пермяков, А.Дандис, Ю.Левин, Л.Б.Савинкова и др.

Особо отмечается лингвокогнитивный статус отмеченных единиц – в когнитивной лингвистике паремиологические единицы безоговорочно квалифицируются как модели национального мировидения и мировосприятия: паремиологические единицы исключительно антропоцентричны и этно-психологически заряжены как никакая другая языковая

¹⁰ Гашими, А.Т. Категория утверждения/отрицания в фразеологических единицах предикативного строения // – Украина: Всеіні Записки Таврійського Національного Університету імені В.І.Вернадського. Серія: Філологія. Журналістика, – 2021. №2, – с. 89-94.; Отрицание в глагольных фразеологических единицах // – Баки: Bakı Slavyan Universiteti, Humanitar elmlərin öyrənilməsinin aktual problemləri, – 2022. №3, – с.71-76.; Negation in phraseological units of the predicative structure of the generalized personal structure // Interdisciplinary research: Scientific Horizons and Perspectives. III International Scientific and Theoretical Conference. – Vilnius: – 6 May, 2022. – p. 40-42.

единица. В этом смысле КУО в паремиединицах носит особую когнитивную нагрузку.

Прокомментируем сказанное: в принципе, если учесть бесспорное положение о том, что поговорки, пословицы, являются знаками констатирующего (аналитического) мышления, то можно сказать, что подавляющее количество отрицательных пословиц, поговорок можно выразить в утвердительных конструкциях: Без огня дыма нет = (Нет дыма без огня) = Где дым, там и огонь; Наличие дыма говорит о наличии огня; Если есть дым, стало быть, есть и огонь и т.п.

И на вопрос о причинах закреплённости в языке лишь отрицательных форм «Нет дыма без огня» ... и их когнитивной силы М.А.Черкасский отвечает: «... *Всякая паремия содержит, кроме фактической, также и оценочно-этическую информацию. Характерно, что в большинстве паремий так или иначе трактуются «плохие» ситуации. По-видимому, роль этических норм в основном сводится к коррекции социальных «шумов», и поэтому сами нормы часто представляют собой не положительные предписания, а запреты (ср. библейские «не убий», «не укради»)»¹¹.*

В целом соглашаясь с мнением М.А.Черкасского, отметим, однако, что не все паремии отрицательной структуры (и смысла) укладываются в рамки концепта «запрет» или нравоучительности. Последние характерны для единиц типа «Не умеешь шить, так и не пори», «Не руби дерево не по себе» и т.п. Но в смысловой структуре единиц «Бодливой корове бог рог не дает», «Нет греха бодливому сломать рога» и др. лежит, как видно, другой когнитивный заряд, другая философия – констатация справедливости и разрешения (дозволенности).

Следовательно, сила отрицания (отрицательной формы) не только в каких-то этических нормах и их коррекции, но и в том, что: а) отрицание формально всегда (за исключением имплицитного) выражена несколькими средствами языка; их наличие накладывает определенный след в ассоциативной

¹¹ Черкасский, М.А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы // – Москва: Паремиеологический сборник, – 1978. – с. 38.

памяти (выраженный запрет лучше запоминается) и в зрительно-слуховом механизме человека. Это было одним из актуальных способов воздействия на умы средневекового человека; б) утвердительная форма в этом смысле выглядит слабой когнитивной системой: ведь запретный (а не дозволенный) плод сладок; в) отрицание представляет поэтому сильный моторный раздражитель в когнитивно-познавательных системах человека; поэтому пословица «шило в мешке не утаишь» стало притчей во всех языках (во языцех), а форма «Шило в мешке всегда скажется» не известна никому.

Материалы различных структурных типов пословиц и поговорок – простых, сложных – рассматриваются отдельно.

В системе простых пословичных конструкций негативного строения самое широкое применение присуще безлично – предикативному слову «нет»: На правду нет суда; На деньгах нет танги (не известно, как заработаны); без терпенья не спасенья и т.д.

Наблюдения показывают, что отрицательные паремиоконструкции представляют целый комплекс синонимика – стилистических форм отрицания, для которых базовым все же является безлично-предикативное слово «нет», с которым так или иначе соотносятся все остальные формы выражения отрицания, представляя его в парадигматических субститутах (нет, не было, не будет), либо же в его лексика – морфологических субститутах (ни..., нет; ни..., ни...; нельзя и т.п.): Правда суда не боится; Правда не судима; На правду суда нет; На правду нет и суда; Правда в огне не горит ... и т.п.

Конструктивные возможности безлично – предикативного слова «нет» проявляется как в простом, так и в сложном предложениях (На язык нет пошрины; У ленивой пряжи и про себя нет рубахи // Когда нет семьи, так и дома нет; Как нет в улье матки, так и нет порядку; (Дороги твои сорок соболей), а на правду и цены нет).

Как в обычных предложениях, так и в паремиоединицах совмещение двух безличных слов «нет» и «нельзя» в составе простой модели не допустимо. Каждая из этих предикативных

слов могут сочетаться с формантами усиления отрицания (вовсе нельзя; никак нет, нет ни где, нет совсем). Особо следует отметить, что нет пословичных конструкций с двойным отрицанием: паремиеединицы любой сложности структуры не приемлют модели двойного отрицания. Причину этого мы видим в следующем. Двойное отрицание представляет область несколько условного риторика – стилистического арсенала индивидуальной речи, ее особой фигуры. Такой способ асерции не характерен для структуры паремиеединиц, в которых действуют законы концептуально – образной системы языка, устойчиво – стабильные законы структурирования единиц констатирующего (аналитического) мышления, а не законы индивидуально-авторского стиля.

Отрицательные частицы «не» входит в систему средств моделирования следующих типов паремиеоконструкций: а) при сочетании с глагольным сказуемым в форме настоящего и будущего времен: К нашему берегу *не привалит* хорошее дерево; Счастье легко на помине *не бывает* и т.п. б) в сочетании с именной частью составного сказуемого: Про нужду закон *не писан*; Бедность *не порог*; Запас мешку *не порча* и т.п.; в) в сочетании с императивной формой сказуемого: С богатым *не тягайся*; От суммы до от тюрьмы *не отрекайся*.

Как видно из примеров, временные формы сказуемых в этих конструкциях строго обозначены – настоящее и будущее. Обе формы служат выражениям семантики панхронизма (общевременности), которая реализуется на фоне обобщенности категории лица (пансубъектности) и панлокальности (обобщенного места). Однако доминантной формы сказуемого при таком раскладе обобщенной негации является форма настоящего времени – основная база обобщенной семантики.

Функционирование отрицательного «ни..., ни» в паремие реализуется в рамках следующих моделей: а) в сочетании с существительными: Ни рыба, ни мясо, ни кофтан, ни ряса; Ни к городу, ни к селу и т.п.; в этих конструкциях отмеченные сочетания (ни + сущ.) выступают в роли оригинальных безлично – предикативных слов, не нуждающихся по своей

фразеологизированной семантике в лексических дополнениях и комментариях; б) в сочетании с существительными, сопровождаемыми глагольным (дополнительными) сказуемым: Ни в затычки, ни в подтычки *не годится*; Ни от камня плода, ни от вора добра *не дождешься* и т.п.) в сочетании с инфинитивом: Не дать, не взять, не продать (т.е. невозможно); г) в сочетании с отрицательным актуализованным элементом и отрицательной именной частью сказуемого: *Ни себе не гожд, ни людям не пригожд*.

Во всех примерах отмеченное отрицательное средство выполняет различные функции – функцию только усиления (блок б), усиления и отрицания (блок з) и совмещения этих двух функций с функцией нейтрализации предиката (блоки а и в).

Следовательно, семантико-синтаксические функции «ни..., ни» необходимо рассматривать дифференцированно и не квалифицировать это средство отрицания фронтально.

В работе особое внимание уделяется функционированию в паремиюединицах так называемого частного отрицания.

Частное отрицание в синтаксической теории квалифицируется как правило, с точки зрения актуального членения высказывания. Данная точка зрения применительно к паремиологическим единицам нам представляется не совсем корректной: во-первых, актуальное членение для пословичных конструкций не релевантно, поскольку оно (форма его реализации) в паремиях выступает средством не вычленения, выделения структурного элемента в качестве ремы высказывания (как в обычных предложениях), а служит средством наивысшего усиления смыслового противопоставления связанных между собой союзным средством «не..., а ...» элементов структуры паремии (Изба красна не углами, а пирогами); во – вторых подобная связанность элементов в паремиях «одноразовое», постоянное, поскольку постоянно, фразеологически устойчиво вся конструкция пословицы в целом и она не допускает иной формы «актуализации»: «*Не изба красна пирогами; не изба красна углами*» и по смыслу и по семантическому оформлению

ненормативны. Что касается актуального членения как синтаксического и логико-семантического явления, то оно в свободных предложениях функционирует по «скользящей горизонтали» и не бывает закрепленным за каким-либо элементом высказывания, которое допускает вычленения любого структурного элемента.

Таким образом, частное отрицание в паремиединицах, кроме отмеченной структурирующей роли, выполняет еще и оценочно – экспрессивную функцию в смысле стратегии квалификации ценностей. Ведь понятно, что конструкции «Все совершается в мире не нашим умом» или «Все совершается Божьим судом» в отдельности не имеют той поэтико-эстетической силы, которая присуща единице «*Не нашим умом, а Божьим судом* все совершается». Как видно, в последнем случае отмеченная аксиологическая стратегия возведена в ранг диалектического единства противоположностей: С печали *не мрут, а сохнут*.

Сочетания, оформленные отрицательным «не ..., а ...» подсказывают генетическую двучастность общей конструкции (Воры не родом ведутся, а кого бес свяжет и т.п.), который зачастую употребляется в редуцированном варианте т.е. в форме частного отрицания: не от добра дерево листья роняет (а от злой осени); Богатый не золото ест, (а бедный не камень гложит); Белый свет не клином сошелся, (а ...) и т.п.

В последнем параграфе главы рассматриваются вопросы функционирования КУО в паремиях сложной структуры. Анализ материала объективно подводит к заключению: вся система способов и средств отрицания, участвующих в синтактико-семантическом оформлении сложных паремииконструкций, фигурируют в фонде обычных предложений. Но не вся система этих средств характерных для обычных сложных предложений, представлены в паремииологических конструкциях. А это свидетельство того, что в паремииологических конструкциях участвуют те средства выражения отрицания, которые участвуют в процессе фразеологизации общей сложной конструкции. Таковыми

являются прежде всего отрицательные кратные «не..., не...», «ни..., ни...», «нет ..., нет...».

Основные положения и материалы третьей главы изложены в нижеследующих публикациях автора.¹²

В **Заключении** диссертации подводятся общие итоги проделанной работы по систематизации средств представления отрицания в паремиологических единицах.

ФЕПС как фразеологические единицы вписываются в общую систему паремиофразеологических единиц, во-первых, тем, что они обладают всеми свойствами фразеологизмов, и во-вторых, тем, что ФЕПС обнаруживают системные связи с типологией свободных предложений на уровне изоморфизма: в ФЕПС представлены все модели (структурные схемы) как двусоставных, так и односоставных предложений конструктивного синтаксиса: ФЕПС не строятся по модели назывных, генитивных и инфинитивных предложений. Это еще одно свидетельство того, что назывные, генитивные и так называемые инфинитивные односоставные предложения представляют собой не самостоятельные модели конструктивного синтаксиса, а, скорее всего – рематические элементы полнокровных дву- или односоставных высказываний коммуникативного синтаксиса.

Что касается паремиологических единиц, анализируемых в данной работе в статусе отрицательных конструкций, то как мы уже убедились в ходе анализа, их категориально-семантическая характеристика не дублирует отмеченные свойства обычных предложений. Функционирование КУО в паремиоконструкциях убеждает в том, что степень семантической обобщенности и

¹² Гашими, А.Т. Отрицание в пословицах, построенных по модели простого предложения // – Bakı: Bakı Slavyan Universiteti, Humanitar elmlərin öyrənilməsinin aktual problemləri, – 2022. №2, – s.93-100.; Частное отрицание в паремиоконструкциях // Bakı Slavyan Universitetinin 75-illiyinə həsr olunmuş “Türk dünyası: geosiyasət və mədəni reallıqlar” Beynəlxalq elmi-praktik konfransın materialları, – Bakı: – 8 dekabr, 2021, – s.27-31.; К вопросу о конструкции утверждения/ отрицания в русском языке // «Advances in Science and Technology» LVII Международная научно-практическая конференция, – Россия: Москва, – 15 декабря, – 2023, – с. 262-264.

обобщенности грамматических категорий лица, времени, пространства и модальности в этих фразеологизированных структурах намного превышает степень обобщенности семантической структуры в синтаксически свободных (обычных) предложениях. Поэтому в типологической системе обычных предложений они не должны быть представлены: у них своя типология моделей, омонимичных с моделями обычных предложений. Для ясности этой мысли, видимо, будет достаточным один факт из классификационных моделей, например, односоставных предложений. Практически во всех классификациях последних в качестве иллюстративного материала привлекаются примеры из системы обычных предложенческих моделей, кроме обобщенно-личных конструкций. По неизвестным причинам для иллюстрации этого типа односоставных предложений ссылаются на пословичные единицы, не обращая внимание на то, что в пословичных конструкциях обобщенной является не только категория лица (что подтверждает название этого типа предложений), но и другие категории – времени, пространства и модальности. По этой логике эти предложения могут быть квалифицированы как конструкции обобщенно-временного или как обобщенно-пространственного значения.

Основные положения диссертации нашли свое отражение в следующих публикациях:

1. Трактовка категории утверждения (отрицания) в лингвистических учениях // Doktorantların və gənc tədqiqatçıların XXIII Respublika elmi konfransı materialları, – Bakı: – 03-04 dekabr, – 2019, – s. 182-184.
2. Источники теоретических разногласий относительно категории утверждения-отрицания и некоторые принципы их преодоления // – Gəncə: Gəncə Dövlət Universiteti, Elmi xəbərlər. Fundamental, humanitar və təbiət elmləri seriyası, – 2020. №1, – s. 283-289.

3. Категория утверждения/отрицания в лингвистических учениях // – Bakı: Bakı Dövlət Universiteti, Dil və ədəbiyyat, – 2020. №1(113), – s. 146-151.
4. Категория утверждения/отрицания в фразеологических единицах предикативного строения // – Украина: Всех Записки Таврійського Національного Університету імені В.І.Вернадського. Серія: Філологія. Журналістика, – 2021. №2, – с. 89-94.
5. Частное отрицание в паремиоконструкциях // Bakı Slavyan Universitetinin 75-illiyinə həsr olunmuş “Türk dünyası: geosiyasət və mədəni reallıqlar” Beynəlxalq elmi-praktik konfransın materialları, – Bakı: – 8 dekabr, 2021, – s.27-31.
6. Отрицание в пословицах, построенных по модели простого предложения // – Bakı: Bakı Slavyan Universiteti, Humanitar elmlərin öyrənilməsinin aktual problemləri, – 2022. №2, – s.93-100.
7. Отрицание в глагольных фразеологических единицах // – Bakı: Bakı Slavyan Universiteti, Humanitar elmlərin öyrənilməsinin aktual problemləri, – 2022. №3, – s.71-76.
8. Negation in phraseological units of the predicative structure of the generalized personal structure // Interdisciplinary research: Scientific Horizons and Perspectives. III International Scientific and Theoretical Conference. – Vilnius: – 6 may, 2022. – s. 40-42.
9. К вопросу о конструкции утверждения/ отрицания в русском языке // «Advances in Science and Technology» LVII Международная научно-практическая конференция, – Россия: Москва, – 15 декабря, – 2023, – с. 262-264.
10. КУО и средства отрицания в паремиоконструкциях сложной модели // – Москва: Русский язык за рубежом, Международный аспирантский вестник, – 2023. №4, – с. 57-61.

Защита диссертации состоится 27 декабря 2024 года в 15⁰⁰ часов на заседании Диссертационного совета ЕД 2.13, действующего на базе Бакинского славянского университета

Адрес: AZ 1014. г.Баку, улица С.Рустама 33.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Бакинского славянского университета.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Бакинского славянского университета.

Автореферат разослан по соответствующим адресам 25 ноября 2024 года.

Подписано в печать: 24.10.2024

Формат бумаги: А5

Объем: 40643 символов

Тираж: 70 экземпляров